

Александр ПОРОХОВЩИКОВ:

Красная Звезда - 1996 - 25 июня - с. 4.

Надо радоваться солнцу и не называть черное белым

Наедине
с мастером

Наша встреча с народным артистом России Александром Пороховщиковым состоялась в старинном особняке в Старо-конюшенном переулке. На фасаде особняка - табличка: «Жилой дом последней трети XIX века, принадлежащий А. А. Пороховщикову». Естественно, с вопроса об этом доме и началась наша беседа.

- Александр Шалвович, насколько я понял, мы находимся в родовом гнезде семейства Пороховщиковых?

- Совершенно верно. Особняк построен в 1871 году моим прадедом, который был довольно знатным, богатым человеком. Имел не один завод, заседал в Думе. Между прочим, он являлся одним из меценатов строительства Храма Христа Спасителя. Ему же принадлежала идея открытия ресторана «Славянский базар». Того самого, в котором любители собираться деятели русской культуры. Вспомним, к примеру, Станиславского, Немировича-Данченко.

Да и сам особняк имеет довольно интересную историю. Был возведен, что называется, без единого гвоздя. Когда на выставке французы увидели макет дома, они в один голос окрестили его «жемчужиной столицы». В этих стенах Шалвапин давал первый набросок «Бориса Годунова», Коровин подыгрывал ему Юродивого, а аккомпанировал им сам Рахманинов. В большой комнате стоял огромный камин из малахита, который весил около полутора тонн. Жаль, что потом, после 1917-го, все было разграблено.

- Как же дом вновь оказался в руках исторических наследников?

- Государство дало нам его в аренду сроком на 49 лет. Собираемся организовать здесь музей. Не только нашего рода, зачем замыкаться в узком кругу? Здесь будут и театр, и музыкальная гостиная. Ведь есть что рассказать. Хотя бы о моем деде. Он был изобретателем первого в мире танка, первых военных самолетов серийного производства.

А совсем недавно мне позволил журналист, занимающийся изучением жизни летчика Поликарпова, и сообщил, что во многих документах о военной авиации он встречает имя моего деда. Он был образованнейшим человеком своего времени. Еще в далекие довоенные годы у него были чертежи судна на воздушной подушке! Жаль, что многое не успел - в сорок первом был репрессирован и расстрелян. Вот так...

- Как же сложилась судьба вашей семьи?

- Так же, как и у тысяч других людей, причисленных к родственникам «врагов народа». До пятидесяти третьего были вынуждены жить в Челябинске. Я там отучился три курса в местном медицинском институте. Только после смерти Сталина родителям разрешили вернуться в Москву. Бросив медицинский, я пошел в театральное. Меня всегда влекло гуманитарное начало. По выпуске из Шуйского училища несколько лет проработал в Театре Сатиры. Сейчас служу в драматическом театре имени Пушкина.

- В репертуаре этого театра у вас сегодня только одна роль - Горюхиного в гоголевском «Ревизоре». Нет ли чувства невосприимчивости?

- К счастью, нет. Ведь я актер не только театральный. Много работаю в кино, пробуя себя и в режиссуре. Станиславские рождаются редко, так что все стараюсь делать сам. Сейчас занимаюсь сразу тремя картинами, но, к сожалению, дело не очень-то продвигается. Все упирается в деньги, точнее в их отсутствие. Но в целом работа идет не вхолостую. Последний мой фильм «Цензура к памяти не допускаю» занял призовое место на фестивале русского кино, который проходил в во Франции.

- Александр Шалвович, если обратиться к вашим киноролям, то легко заметить, что значительную их часть составляют люди в военной форме. В том числе офицеры белой гвардии.

- Это, наверное, из-за моей внешности. У нас ведь как: если у актера лысина, по комплекции он грузин - значит, и дают ему роли как бы отрицательные. Хотя, если вспомнить, у меня были не только герои со знаком минус. Мне, например, очень дорог капитан из картины «Ищи ветра». С удовольствием вспоминаю работу с Сергеем Соловьевым в «Избранных». Однажды пришлось сыграть и Муссолини.

Самое удивительное, что сами офицеры считают меня бывалым служивым. А я в армии не был ни дня - у меня «белый билет». Была только военная кафедра в медицинском. Но понимание военной жизни у меня, наверное, в генах, в крови. В нашей семье всегда с большим уважением относились к людям в погонах. Да и сам я, стою надеть офицерскую форму, невольно подтягиваюсь, собираюсь как-то внутренне.

Кстати, роль речь зашла о военной форме. Не знаю, как относятся сами военные к тому, во что одеты, но, на мой взгляд, нынешняя российская форма не очень удачна. Подчеркивает недостатки фигуры, не способствует легкости передвижения. Эти фуражки с огромными, как аэродромы, тульями. Просто паноптикум какой-то. На людей невысокого роста в такой фуражке невозможно смотреть без улыбки.

Впрочем, не в этом суть. Размышляя о судьбе армии, я думаю о другом. Одной из главных проблем сегодняшней России, как, впрочем, и всего общества, я считаю неудовлетворенное чувство патриотизма. Не грущу о пафосном, не всегда искреннем почитании Родины. Нет, этого не надо. Но вспомним, ведь само слово «Россия» истари было свято для гражданина, а уж для офицера тем более. Сейчас же этой святости, трепетного отношения часто не ощущается. Пока не поздно, нужно постараться сберечь, сохранить то, что еще осталось в душах военных, не дать угаснуть тому источнику духовности, который всегда теплится, пи-

тал и закалял души офицеров. Но радует, что театр все больше интересует сегодня людей в форме. Чувствую это по письмам, по беседам. Это очень важно, ведь театр, искусство - это именно то, без чего истинно российские офицеры просто не представляли своей жизни. Так было. И так должно быть.

- Что, на ваш взгляд, должен в первую очередь выражать театр сегодня?

- Национальное устремление страны. Показывать, куда плывет корабль, называемый Родиной, Россией. Не надо заниматься проблемой мерзавца, но нужно брать на прицел мерзость. Наше будущее определяют не политики, как кажется многим. В перспективе идеал, землю обетованную видят яснее всего художники. Задача искусства - быть трибуной, откуда исходит свет добра. Особенно в наше неспокойное время.

- Так что же помогает вам стоять на этой сложной, извилистой дороге, называемой жизнь?

- Прежде всего семья. Уход от семьи - это и уход от духовности. Идеологи сатанинского направления неспроста первым делом разрушали семью. Все мои мысли сегодня только о семье, о будущем ребенке. Я считаю, что мысли, направленные на детей, они и душу окрашивают в теплые тона.

Волнуюсь за судьбу своих родителей. Они у меня уже старенькие. Отчим, которого считаю родным отцом, он аж с девятидесятого года рождения. Болеет мама. Им сложно понять, что происходит сегодня. Они как бы выбиты из жизни. Судьба их поколения довольно точно описана Горьким. Помните Данко? Как тот, проложив дорогу другим и осветив ее своим сердцем, оказался растоптанным неблагодарной толпой?

Всем нам необходимо вспомнить и вернуться к естественным законам человеческого общежития. Если сделаем это, то хорошо будет и в государстве. Я так говорю: если мама плачет, значит, и в стране не порядок, если мама улыбается - значит, все в норме. Нам надо беречь истинных носителей духовности. Ведь настоящих личностей всегда недостаток.

- Александр Шалвович, если вкратце, какова ваша жизненная философия?

- Толстой как-то спросил одного режиссера о том, сколько тот читает. Режиссер смущенно ответил, что, мол, на книги времени особого и нет. Неожиданно великий писатель успокоил собеседника, сказав: «И не читайте. Наблюдайте жизнь. Это лучшая книга».

Если не просто созерцать происходящее, а пропускать его через сердце, то многое становится ясным. В искусстве есть две вещи - великое падение и великий взлет. Эта формула для меня определяющая. Может, мне и не дано достигнуть вершины, но я стараюсь идти именно этим путем. Я очень верю в божественное начало. Что такое смерть, рождение? Понять невозможно. Никто не знает. У меня такое ощущение, что все контролируется свыше. Даже если ты наедине с собой, тебя кто-то видит, кто-то незримо присутствует рядом. Может, это и есть совесть? Я убежден, что человек, облеченный верой, - всемогущ. Для нас важно понять это. Надо заниматься естеством, радоваться солнцу и не называть черное белым.

Игорь ИЗГАРШЕВ.

384